

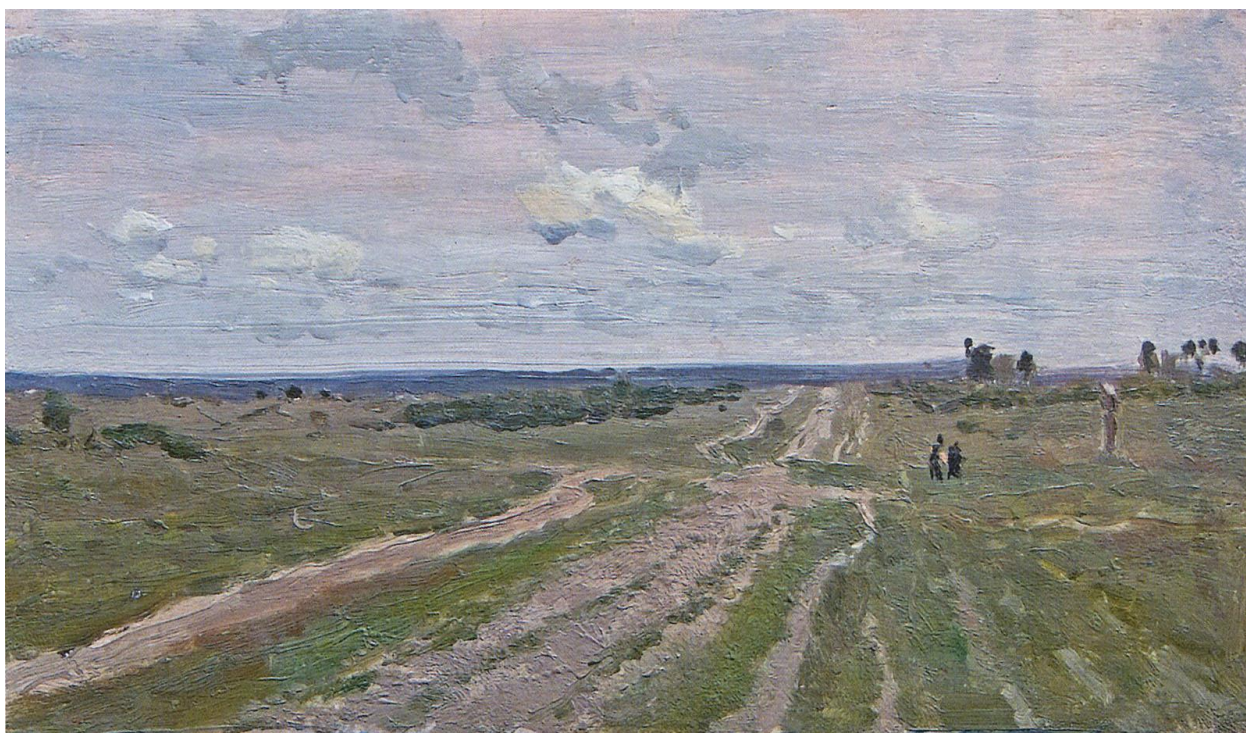
«ВОЛОДИМІРКА» ЛЕВИТАНА

В ритуале наших ежевечерних «блаженств» чтений на ночь с доченькой, – достаточно часты и рассматривания репродукций в альбомах живописи... Совсем недавно с нами был альбом живописи Левитана. Два-три разворота иллюстраций, краткое обсуждение впечатлений от увиденного – прежде чтения сказки. И, внезапно, – эта вот картина, мимо которой почти нечувственно, безответно проходил столько раз, так незаслуженно оставляя её без особенного внимания. И вот, вблизи ребёнка, раскрывая ему эту репродукцию, подготавливая дитя к, надеюсь, грядущему посещению «Третьяковки», – это полотно, зазвучало вдруг каким-то пронзительным смыслом, который захотелось осознать, уяснить себе самому, воспринять собою глубже... и выразить словесно. Пытался это делать, высказываясь к своей малютке... По тому, как внимательно и благодарно вслушивалась она в доверительно преподносимое ей личное откровение перед этим изображением, понял, что и сам хотел бы ещё вернуться к этому полотну, к этому фрагменту художественного видения и способу запечатления духовно насыщенного и творчески воспринятого свято-русского простора, – уяснить, затеплить в себе раскрывающиеся смыслы...

В путанности и тумане своих попыток воспринять и осознать открывающееся, вынужденно – соскользнул тогда в язык взрослых, которым едва ли сумел бы общаться со своей дочерью, не обидев её частым употреблением заведомо непонятных, тягостных слов. Язык, на котором пробую изъясняться исключительно для собственного разумения... и не выискивать слушающих теперь...

Небольшое полотно, вмещающее образ, созданный зрелым мастером... тридцати двух лет от роду... из отмеренных сорока. У меня, всматривающегося в картину, пронзительно и убедительно отозвалось тогда, сколь глубоко и проникновенно ощутил, воспринял и художественно – выразил автор пространственный образ, внутри которого он внезапно оказался сам на Владимирском тракте, возвращаясь с охоты... обыденным днём 1892 года. В год рождения Паустовского и Соколова – Микитова... Павла Корина и Марины Цветаевой. В год премьеры «Щелкунчика» и Высочайшего повеления о строительстве «Транссиба» в державе, столь долго уже знающей войн. На следующий день Исаак Левитан вновь оказался на этом же месте с мольбертом, сделал эскиз, запечатлел основное... и далее - вырабатывал художественный образ по мере проникновения, личного осознания, - нагружая его деталями, нюансами цвета, подробностями света. Так - формировалось художественное произведение по мере личного творческого видения и вослед за смыслами раскрывающимися при созерцании и воспоминании виденного пространства, при всё более глубоком его творческом осознании, художественном преобразении непосредственного впечатления производимым образом - картиной.

Эскиз картины

Никаких ярких цветов, никакого впечатляющего, «цепляющего», приневоливающего взгляд сюжета... Уж, воистину завораживающе – щемящая пустота и простор «Эта скудная природа - Край родной долготерпенья, Край ты русского народа». Выразишь ли точнее словом. Перед нами - пространственный образ и его запечатление художественным проникновением и творческим осознанием мастера живописи. Пространственный образ, внутри которого очутился и ощутил себя его частью – мастер художественного образотворения, выразивший своё видение словно бы изнутри естественного православного символа. Отнюдь, не икона перед нами, но изображение иконы в естественном пространстве, реалистически преподанной, как свидетельство

собственного воображения, творческого художественного проникновения в иконный образ, восчувствованный внутри русского пространства. Никаких ярких или контрастных противопоставлений цвета, никакого впечатляющего сюжета. «Скудная природа...», осенённая благословением Христа. Перед нами – крест, - перекрещивание дорог. Крест, устремлённый в бесконечность, «во область заочну», где он соприкасается с небом, входит в небесное, либо истекает из него... Эта символическая наполненность вполне нарочито и внятно художественно сконструирована автором, - стоит лишь сравнить законченную картину и её натуральный эскиз, где, например, не прописана упомянутая точка соприкосновения земного тракта – вертикали креста и неба. Пряма, как духовный стержень и небесная скрепа земли, как некая выверенная неизбежность Господнего призывания... как луч света, вовлекающий в себя – дорога Владимирского тракта... по которому следовали осуждённые на каторгу, гремя кандалами – шли к земной очистительной тяготе, к физическому изнеможению и гибели... к попытке избыть из себя – грех. Где-то там, в дали, в увенчании этого пути тракт видимо и осознаваемо - соприкасается с небом, - это ли точка и миг очищения... это ли место земной гибели и погребения каторжанина для оживотворения человека к жизни вечной. Трёхсоставна нить этого тракта – артикулирована в картине и совсем не внятна в эскизе. Две пешеходные тропы по краям и несколько наезженная и нахоженная, широкая центральная часть пути... - напоминают нам о Троичности Бога, взирающего на мироздание. Тракт пересекает ещё одна дорога... перед нами – перекрёсток, перекрещивание, - крест земной. И никакого движения, всё замерло на этом перекрестии путей, ни одной повозки на всём видимом протяжении, до самого горизонта – никого. И в округе, окрест – ни души... лишь небо над перекрестием земных путей. Различны удельные доли неба и земли в картине и в эскизе, - небо в картине явно доминирует над земным. Эскиз переосмыслен, претворён автором в образ насыщенный значениями. Только одна фигура путника – в центре этого перекрестия у небольшого столбика с «голубцом», - часовня, место молитвенного вздыхания в предстоянии Господу на земном пути... на перекрестии дорог. Путник или путница... Богомолец или Богомолка... – с котомкой за плечами - едва различима нам эта фигура – в молитвенном предстоянии Господу перед часовенным столбом... столь похожим на голубец могильного холма. Пронзительную высоту смыслов обретает картина, становящаяся символом. Образ креста – распахнут перед небом... и голубец – иконный столб – в этом перекрестии. Совершенно уединённая внутри огромного и пустого пространства – молитва перед этим часовенным столбом перед лицом откровенного Неба в абсолютной тишине ничем не растревоженного простора. Молитвы текущего часа непрерывного сокровенного Богослужения в человеческом сердце – истекают... протекают куда-то, исчезают эти часы земного существования, - и вот, на одном из этих часов – прочитывается человеком положенное молитвенным правилом проследование, - прочитывается уже вне времени - и внутри пространственного образа... внутри перекрестия и перед вертикалью часовенного столбика, соизмеримого с человеческой фигурой... с вертикалью живущего молящегося языка - путника. Живой человек, животворящий образ вокруг и на часовенном столбе... живые молитвы из тёплой сердечной глубины – к небу... и вокруг ни души... совсем никого. Затворишь в келье своей, приступая к молитве, - так научает Евангелие. И удивительное видим на картине: келья эта, в коей молитвенно затворяется человек, совершенно не имеет границ и не впускает никаких чуждых взоров, - келья – это великий простор Святой Руси, бескрайний, неоглядный, невместимый «край долготерпенья» как сказал поэт, - взглядываясь,

воспоминая этот край из-за его границ, от стороны чуждой, посторонней – восчувствовав его таковым. Крест под небом... Небо, казалось бы, безответное. Молитва, воссоединяющая земной крест и небесный простор. Но Господь в подобающей тишине – внимательно вслушивается в произносимое слово, обращённое к Нему.

Заметим же, что небо эскиза укрыто более тонким слоистым покровом – лазоревая чистота едва не просвечивает сквозь цвет небес натурного наброска... И непроницаемо слоистое облачение земли в осмысленном, художественно завершённом картинном образе... почти непроницаемо. Где-то вдаль, в конце тракта, у подножия креста, соединяющегося с небом – различим отсвет солнечного луча, или же так вестник света не вечернего – осиял землю вблизи удалённого и едва различимого белого храма на горизонте. Храм и внезапный, неотмирный отсвет возле него и в основании пространственного креста, где он произрастает от небес и распространяется к нам... Три вертикали – соединяют небо и землю, несущую свой крест: белый храм, едва различимы, удалённый до недостижимости... фигура молящегося путника, следующего по земному кресту к воссоединению с небом, - крестом отворится оно, уже – отворится - и лучится свет в образующееся, приоткрывающееся пространство неведомого и желанного... Третья вертикаль - молитвенный столп – часовенный голубец, замерший на перекрестии в текущем потоке времён. Важно подметить, что эти столпы – столбики были указателями для зимних заснеженных просторов, когда не различим сам тракт, сокровенен путь... но изнутри снежно-смертных покровов земли будет внятно различим возвышающийся над ними к небу – молитвенный столп дорожного перекрестия... голубец, верно указующий направление пути в безобразном просторе. Когда уже всё вокруг погребено под снежным убором – одна лишь погибель неотвратима перед путником заплутавшим, ничто не укажет ему, не управит стези – лишь этот молитвенный знак, спасительное побуждение к молитве текущего часа – часовенный столбик с иконой на восток Божий, - и если уж привёл Господь к этому месту – то уж непременно удержит Своею рукой, управит Сам на этом вновь обрётённом пути...

Просторно, глубоко, рельефно небо картины. Казалось бы, нескончаем земной путь по этому поднебесному крестоносному тракту. И бесконечно – уединение человеческого существа на этом почти безнадежном пути... Бесконечно уединение, если бы ни скрепы с небом, если бы ни взаимное приникание и соприкосновение распротёртых пространств... если бы ни молитвенное вздыхание живого и шествующего с Богом – человека – точки внутри этих соприкасающихся просторов, - ели бы ни живое возникновение образа Господнего в человеческом естестве, - образа, восходящего от крестного земного пути к небу. Таков – проникновенный мастер – Исаак Левитан, впитавший талант Божий, преумножив его чуткостью к восприятию и осознанию образности русского пространства. Мастер, несущий в себе стократно преумноженный дар художественного пре-ображения... дар изображать, преподносить к восприятию, передать духовные смыслы средствами удивительной, целомудренной и реалистической пространственно-иконной образности.

«Володимірка» - подписывает автор название этого образа на лицевой части холста... с указанием года. В о л д и м і р к а... Владение міра... Владеющий мирім... Володеющий над міром сим – Крест. И молитва на этом кресте под необъятным, невместимым и таким приближенным небом. Земля – словно бы отражение небес... Небо

– отражение земли. В точке соприкосновения земли и неба – утешительный отблеск, - там, где белеется во свете Господнем - отдалённый от нас храм.

Прежде – прочитывал о наследственном и растроченном обыкновении русского православного народа проявлять своё неудержимое благочестие, как любовь, жаждущую проявить себя – в образном устроении своего жизненного пространства, своей родной земли, содержащей русскую святость... Лишь в специальных исследованиях на этот счёт – осторожно говорилось о былой некогда традиции образного устроения земного пристанища и путешествования ко Христу, о плодах образного духовного созидания жизненного пространства русских православных людей внутри просторов Святой Руси, под высоко распротёртым и пристально взирающим небом... Каково это: жить внутри Святой – Руси... какова мера напряжения этой жизни внутри обязывающей и непрестанно взывающей к себе - святости, внутри пространства, предназначенного для шествования путём земным ко спасению... и более – никуда по существу. И более ни к чему иному столь важно и всерьёз – не предназначено это пространство святости... Все радости этого путешествования – лишь в означенной и внятной его цели, весь смысл – в самом высоком целеполагании – в Боге – и ни в чём... ни в ком более. Прочее – лишь сопутствует на пути... Прочитывал о Святорусском пространстве, воспринимаемом, как живой образ святости и Божиего посещения, живого Его присутствия, реального хождения Христа, «в рабском виде благословляющего всю землю родную»... прочитывал об иконах на перекрестиях дорог, о многочисленных часовенных столбах... об иконах на лесных полянах и в древесных дуплах – киотах, устроенных самой облагодатствованной природой – единственно – для восприятия в себя образа Божьего... прочитывал – и не мог

представить себе такого до первого своего, почти случайного, визита в благословенную Грецию, где увидел подобное воочию. В каждой роще олив, чуть ни на каждом крутом повороте дороги, на приусадебных участках и в огородах, во дворах, на холмах с открывающимся видом... Во всяком месте, несущем особенный отпечаток Божественной красоты... - и не счесть числа этих мест... - и уж обязательно – на дорожных перекрестках – расположены молитвенные столбики, малые часовни, обустроены места молитвенного вздыхания на пути, места для прочтения благодарственный молитв или молитв текущего часа... места побуждения от забвения в обыденности – к Богообщению. Было таковое же в нашей стране, в моей Руси... прочитывалось в книгах о былом благочестии – что бытовало... прежде. Пытаешься себе представить непредставимое теперь – и сокрушаешься в бессилии. И вот - эта картина живого свидетеля о столь ещё недавнем. Образ очевидца, художественно запечатлевшего для нас увиденное им. Произведение мастера восхищённого и воплотившего, изобразившего, засвидетельствовавшего нам своё восхищение... Часовня – на перекрёстке дорог – и человек перед нею... путник, Богомолец – шествующий по кабальному, каторжному тракту.

Путь всея земли,... путь всея Руси, - образ моей Родины, воссозданный в пору её, быть может наивысшего и почти беззаботного процветания... за два года до кончины великого Государя Александра Миротворца. Умиротворённая путница - Русь – в потаённой молитвенной свободе - следует ко Господу и молится у столпа. Быть может, всё это видимое пространство – вмещено в молящемся сердце путника, остановившегося на своём кресте, распростёртом под небесами. Не в беспутности этот человек, но на пути, прямом, неотвратимом, неложном – пути к небу. К Свету в молитвенном предстоянии Христу, в живом призывании Спасителя... в приглашении Его – вникнуть во глубину человеческого сердца. Перед нами – образ молитвенного полыхания жизни Духа Святаго Господнего внутри природной скудости, жадно вмещающей небо, вглядывающееся в этот простор. Это ли образное осознание, образное оживление видимым, - посетило мастера Исаака. Многого не содержит эскиз, как холодный слепок, ещё не оживлённый художником... животворцем. Но что, если убрать ли из картины перекрещивающуюся тропинку... убрать уединённого путника, малый молитвенный голубец, храм и просвет – как отсвет Нетварного светоносного луча на земле... - и будет выхолощено христианство из образа, обезображенного утратой образа Божьего. Останется мертвенный отпечаток мёртвой природы... умирающей, когда не содержит она в себе Бога живого... когда не стенает слёзно об утрате Его.

Несомненен и неоценим дар, преподнесённый Богом Исааку Левитану, – дар к чуткому восприятию окружающего пространства, как пространства сакрального, образно и проникновенно связанного с Творцом. Совсем не идёт речь о конструировании матером в живописи некоего умозрительного символа, - но об открытии, восприятии, усвоении человеческим творчеством окружающего мира, как образа Божьего. Образ Божий отзывается и пробуждается внутри мастера, чутко и отзывчиво соприкоснувшегося с миром – образом. Человек, православной душой воспринимающий намоленное пространство, естественно и искренне чувствующий Бога, - не может и сам не оформлять в своём восприятии это пространство, как сакральное. Русский по духовной природе, молящийся человек, художник с тонкой и отзывчивой душой, - не может воспринимать окружающую его Россию, Русь в каком-либо отрыве от святости. Идёт речь не об

умозрительном художественном конструировании иконы в реалистической технике изображения, не о созидании восприимчивой душой каких-либо художественных знаков, атрибутов сакральности. В данном случае совсем не идёт речь о создании художественно-сакрального пространства в живописи, наподобие пространственному символу Нового Иерусалима. Речь не идёт и о творении из ничего, домысливании символа на личный духовно-эстетический вкус, о насаждении символа на совершенно отстранённую от него реальность. Но мы говорим о живом и действительном ощущении, восприятии данного естественного, не привнесённого как плод измышлений – состояния природы Руси, как области живого таинства, области сакральной земли, на которую должно ступать обнажив стопы своего сердца... как дома Пресвятой Богородицы... как возлюбленной обители Христа Бога... Руси, как живого креста, расположенного под небом и распротёрто глядящего в Небо вышнее сквозь облака... Интересно, что сам мастер Исаак Левитан, по свидетельству современников, совсем не был воцерковлённым человеком, осознанно восшедшим в церковь – Тело Христовой Любви... - свою художественной изощрённостью души способен явственно осязать истинную святость, - и принакает к святости. И - трепещет всё его существо от приближенности к святине... предошущая Бога Живого. Мы не можем заглянуть в глубину потаённой духовной жизни художника, в область таинственного личного отношения человека и Христа. Но мы можем по косвенным признакам и невнятным свидетельствам, подмеченным нами в этом очерке – судить о христианстве мастера пейзажа... о христианстве православном, быть может и не проявленном, утаённом, быть может, стыдливо и деликатно удаляющегося от церковного обыкновения и официоза... от общего течения, от стрезени общего благочестия... боящегося моды и обмирщения там, где она может разрушить естественное сродство с Богом... боящегося всяческого средостения между собою и Творцом... не решающегося сделать блаженный шаг в область таинственного. Слишком сокровенно ощущение Бога у изографа Левитана... слишком отзывчива к таинству и к образу Божьему нежная его душа... слишком потаённа эта связь, от всяческого расточения и измельчания во внешних проявлениях... быть может, слишком исстрадалась она вне действительного приобщения к Богу Истинному, которого, быть может, так и не вкусил мастер.

Нет, не конструирует Исаак Левитан сакральный образ... но творчески созидает художественный отпечаток, глубокое запечатление своего личного восприятия. «Володимірка» - отнюдь не точный слепок не фотографически точное уподобление художественного символа виденному, того, что предстало перед глазами, но попытка уподобления Первообразу – Богу в видимом и воспринятом, попытка во-образить в символ самого себя на пути приближения к Богу. Во-образить в символ свой творческих художественный акт. Так живописание вникает в области переосмысления, домысливания, прочувствования и проживания, осознания и уяснения для себя всей глубины и неместимой благодати Господней, что открывается через русский пейзаж, «как бы в мутном стекле, гадательно...» Будучи воспринятым в глубь души, это впечатление осознаётся, проясняется, становится и чище, и нагляднее, убедительнее самому Левитану. В таком вот, доработанном через личное осознание и проживание символа виде, - в виде преображённом, очищенном в горниле человеческого образосприятия и образотворения, - впечатление преподаётся, преподносится нам, научительно - предстаёт перед нами в реалистическом полотне, в живописном шедевре, достаточно молодого ещё человека... восходящего в возраст Христов.